

ВРАЖЕННЯ З ПЕРЕДОВОЇ

*Записала Віта Атаманчук**
у м. Кіровограді у травні 2016 р.
від Корнева Валерія Миколайовича, 1976 р. н.

Я, Корнев Валерій Николаевич, проживаю в Кіровограді. Военну службу проходив первоначально в Одессі. После Одессы приехал и жил, как и все остальные, пока не мобилизовали.

- Коли вас мобілізували?

- Мобилизованный я был 22 августа 2014 года. После трех месяцев подготовки нас перекинули сразу в Дебальцево. Это было 22 декабря. Мы заняли оборону. Мы после Нового года, где-то 4-5 января уже понимали, что просто так отсюда не выйдем. Мы понимали, что кольцо сужается, потому что после этого (19 января на Крещение) мы встречались в селе с теми, кто приезжал из ЛНР. В село Новогригорьевку приезжали старшие «казачки», они предлагали нам сдать и уйти. Тогда бы было все без потерь. Когда наше командование узнало, что «казачки» приезжали к нам договариваться, нам сказали быть на позиции и не сдавать. Потому что, если бы мы сразу сдали позиции, российские войска давно были бы здесь, и они бы просто нам не дали уйти. Это был бы второй Иловайск, когда ребята сложили оружие и выходили с поднятыми руками, а их тупо расстреливали. Мы решили, что не будем этим мясом. Мы стояли до последнего. С 19-20 января нас начали уже очень сильно обстреливать. У нас начинался утренний подъем в полпятого, нас будили «грады». Это продолжалось часов до 9-10 утра. Это были «грады», мины 120-го калибра. Танки

стреляли, «саушки». Минами фосфорными нас 2 раза обстреливали, слезоточивыми газами. Когда мы приехали в Дебальцево, у нас руководство забрало и противогазы, и химзащиту.

- Чи було підготовлено місце дислокації на час вашого приїзду?

- Надо сказать, до нас там стоял батальон 25 «Киевская Русь». Где можно было, ребята сделали укрепления. Мы находились возле железной дороги. Ребята там находили старые шпалы, рельсы, которые побито «градами». Их стягивали и укрепляли блиндажи. А у тех ребят, которые стояли в чистом поле, была посадка с деревьями, но где-то далеко, за 500 метров, но там уже сидел враг. Поэтому они уже не могли там ничего укреплять. Они находили балки в домах, которые не догорели, и укреплялись. Они находили старые клеенки, кровати. Это все стаскивали. Особо копать было невозможно, так как земля была мерзлая. Техники никакой для копания не было. Была лопата, нож, кружка — вот и все.

- Чи були місцеві люди, які підтримували українську армію?

- Да. Вот нам было очень приятно, на Новый год к нам пришли дети из поселка 8 Марта. Они знали свою лазейку. Они залезли на нашу охраняемую территорию. Самому меньшему было 9, самой старшей девочке было около 16 лет. Их было человек 8. Они пришли нас поздравить и пожелать. Девочка слепила из хлеба украинского солдата.

* Віта Атаманчук – магістр державного управління, аспірантка Національної академії державного управління при Президентіві України, радник голови Кіровоградської обласної державної адміністрації.

Это было очень приятно. С пустыми руками они не ушли. Мы их загрузили подарками.

- *Хто був комбатом у вас?*

- Н. Он как раз тоже приехал нас угостить.

Он с Дебальцево, привез нам подарки. И как раз были дети. Он им говорит: «Давайте так, детвора, вот до ворот вы дошли, дальше ходить не стоит. Мы за вашу жизнь отвечаем». Дети все сразу поняли.

- *Але це ж небезпечно.*

- Да. Дети говорили, что они понимают, куда идут, но им просто интересно.

- *Де ви перебували під час обстрілів?*

- В окопах. Поначалу, когда был первый обстрел, туда прятались, потом привыкли. Мы уже по звуку слышали, куда какая мина летит. Слышали метров за 200 или за 300 — летит. Бывало такое, что слышу — выстрел, проходит 2 секунды и уже у тебя над головой практически. Ну тут все, прячешься сразу, потому что сразу где-то в метрах 5-7 от тебя взорвется.

- *А як був організований ваш побут, де ви спали?*

- В блиндажах, находили старые здания полуразрушенные, обустроивали и жили, в свинарниках жили. Некоторые сразу при этом улыбаются: люди поуждали, а мы остались. Мы свинарник забили, сделали там небольшую комнатку, и нас там жило 6 человек. Комната была 4 на 4 метра.

- *Як взагалі організовувалося ваше перебування? Як розподілялися групи чи батальйони?*

- Нас привезли и сразу сказали, что первая рота занимает вот эти два блокпоста, вторая рота занимает другие два блокпоста.

- *Тобто вас розділили по блокпостам?*

- Да, нас поразбивали. Вот нас было 102 человека. Мы стояли в селе Новогригорьевка. У нас там было 8 блокпостов. Поселок 8 Марта держал наш третий взвод. Один блокпост у нас был в поле, другой — на свинарнике, третий — в железнодорожном депо. На каждом блокпосту было по 8 человек. Когда на какой-то из наших блокпостов нападали, то с ближайших блокпостов два человека остава-

лись, а остальные садились на технику, быстро подъезжали и помогали. Мы так друг к другу бегали. Расстояние между блокпостами было 300—400 метров. С автоматами быстренько бежишь за машиной, которая отстреливает, и тоже начинаешь давать отстрел. Когда мы первый раз отходили, к нам подошли «казачки» и сказали: «Ребята, если бы мы знали, что у вас тут находится только 21 человек, мы бы вас еще в декабре отсюда выбили. Мы нападаем на один пост, в бинокль засекли, сколько вас примерно человек, во сколько вы сменяетесь. Тут откуда ни возьмись — вас уже 20 человек». Они ничего не могли понять, так как мы находились в окружении, а чтобы добраться до подмоги, нужно было идти 1,5 км, но дорога отрезана. Они не могли понять, как мы друг другу помогаем. Мы как суррогаты, как сурки, вылезли из подземной норки и бежали. Нас так и называли — «суррогатами». Потом нас стали называть «бессмертными». Когда до нас стояли другие, они знали, что стояла киевская бригада, и они ходили в касках, бронежилетах, с оружием. Они удивлялись, что мы ходили в тубетейках, штанах, футболках, умывались в снегу, обливались и опять заходили в блиндаж. Они не могли понять, кто мы такие и откуда мы взяли такие. Они нас до января боялись. Они говорили — «бессмертные». А «Киевскую Русь» они называли «карателями». Из рассказа ребят из «Киевской Руси»: они сидели день-другой, потом собрались на четвертый день и выехали две машины. Метров за 30—40 до них остановились — расстреляли и разбомбили все. Потом развернулись и уехали.

- *Це так робила «Київська Русь»?*

- Да. Мы за это их так и прозвали — «каратели». (Те так и не могли ничего понять). Ребята залетели, разбомбили и уехали.

Мы же, наоборот, подошли, обошли, посмотрели, записали, зарисовали — потом развернулись и ушли. Кто мы такие? Мы в гражданской форме. Непонятно, с оружием или без. Но потом уже начали понимать, когда мы нашим артиллеристам начали рассказывать координаты: что и где стоит, и

по ним начали стрелять наши, то они уже тогда поняли, хто мы и шо мы. Они назвали нас «бессмертными», потому что мы не боялись близко подойти. Бывало такое, что мы ходили с ребятами минировать, и один человек у нас был с позывным Лис. Он был действительно как лис. Он мог с одной позиции выйти в куртке какой-то гражданской, подойти к врагам, поздороваться с ними за руку, набрать у них боеприпасов и к нам вернуться. Потом опять уйти к врагам и вернуться, сказав что у него там назначено свидание. Командир спрашивал его, куда он идет, и тот отвечал, что пойдет и возьмет у врагов немного оружия и патронов. Они его принимали, как своего. Они не могли понять, хто и шо. Ему давали оружие и гранатометы. Если бы Лис не ходил и не брал у них все это внаглую, то последние две-три недели мы бы не смогли продержаться, так как нам не подвозили ни боеприпасы, ни продовольствие.

- До вас не було можливості доїхати?

- Да. У нас так получилось, что за нами в Дебальцево был подземный туннель. Если ехать просто верхом, то было от нас до Дебальцево 4 км, а если через туннель, то 1,5 км.

- Що це був за туннель?

- Это был старый туннель, который сначала был, как шахта, а потом его переоборудовали так, чтобы можно было ездить легковыми машинами. Там тоже у нас было два блокпоста. Один — с одной стороны, другой — с другой стороны. Он еще оставался со времен войны. Мы не знали, что там был боковой туннель. На карте он указан не был. Та сторона узнала об этом. Они смогли обойти и захватить. Когда они захватили этот туннель, к нам больше подъезда не было. Там у них уже стояли танки и БТРы. Поэтому последние три недели мы были отрезаны. К ним ходил Лис. Они его снабжали то тем, то тем. То тушенку привезет. Последнее время мы ели в день мерзлую картошку и мерзлое яйцо. Больше ничего не было. Нам привозили только польский хлеб, но его есть было невозможно. Внутри он был весь гнилой.

- Хто його привозив?

- Нам привозили военные поставщики, от государства. Тушенку, которую привозили от государства, есть было невозможно. Даже собака ее понюхает и уходит. Когда ее открываешь, вместо масла выходит из банки воздух. Там больше половины банки жира. Сверху плавают шкурка и сухожилия. Мяс там практически не было. Поэтому есть ее практически было невозможно. Помогли волонтеры. Волонтеры нам и одежду привезли. Когда мы ехали в Дебальцево, то все были одеты в летнюю форму. Слава Богу, дали хоть бушлаты зимние. Штаны и берцы — летние.

- Тобто все привозили волонтери? Хто саме до вас приїжджав?

- К нам из Полтавы приезжали волонтеры, не помню как их звать, из Кобыляк приезжали, из Харькова. К нам Никитин Вадим приезжал, он самый лучший «старший брат». Он столько всего привозил и помогал. Если бы не он, у меня ноги бы точно отмерзли. Я ходил в летних берцах при температуре -35 градусов (в поле — до -40, будем так говорить). Хорошо, что жена купила сапоги и с Вадимом передала. Я проходил почти все Дебальцево в сапогах. Волонтеры помогали и продовольствием. Когда нам привозили картошку, она была мерзлая, и морковь, и буряк. Мы лежали их возле буржеек, чтобы они оттаяли, а потом их готовили. Надо было что-то кушать. Охотились. Ходили на зайца, фазана. Они там бегали и растяжки взрывали. Мы туда начинали стрелять, не могли понять почему взорвалось, и расходовали патроны впустую.

- Так тривало протягом певного часу? Ви казали, до 22 січня? А потім що?

- Потом они начали мощнее обстреливать.

- Цивільне населення вивезли?

- Да. Гражданских людей тогда уже вывезли. Сначала они стреляли утром и вечером, потом они начали утром, это часов до 10. Потом с 10 до 12 передышка, как мы говорим, вторая смена поменялась. И начинался с 12 до 4 вечера обстрел, потом с 4 до 6 то же самое, они там меняли боеприпасы, и потом уже с

6 часиков до 10-11, когда бывало, что полчаса, и дальше начинали. Но факт, что именно с часу ночи и до полпятого утра была тишина поначалу, а потом они уже начали в феврале, числа с 3-4, они уже начали днем, если и было часа 2, то это было хорошо. За водой мы ходили, брали с собой бочки. Пока шли туда, они нас не трогали, а когда возвращались — начинался обстрел. Бочки у нас были и гильзами клепаные, и досточками, чтобы воды хотя бы немного донести. А уже в последнее время воду вообще негде было брать, потому что они уже гадостей туда накидали. Последние полторы недели мы уже были полностью в окружении. Горели уже тогда полностью дома, и вагоны горели. 13 февраля ночью нас уже так обстреляли, что мы взяли командование на себя и решили отойти на второй план. Мы отошли буквально полтора квартала назад и заняли тогда позицию, которая называлась Ромашка. На ней мы продержались трое суток. После того, как они начали подтягивать танки и расстреляли здание, которое было четырехэтажное, а стало одноэтажное. Они разнесли полностью три этажа. Мы тогда еще где-то денек держались. После этого мы уже полями уходили 1,5 км под обстрелом на Новогригорьевку. Там мы, по приказу командования, еще всех ждали, кто уже выходил из Дебальцево. Больше половины уже выехало, а остальные, кто там остался, — группки по 10—20 человек. Мы в Новогригорьевке ждали еще три дня. 18 числа мы решили точно, что это уже последняя ночь здесь. Они были метров за 700 от нас. Они там уже расположили свои танки, «грады».

В эти три дня в Новогригорьевке в метрах 500—600 от нас проходила дорога, которая дальше шла к нам, на поселок 8 Марта. Я вносил в тетрадку все, что видел в бинокль: сколько танков заехало, сколько выехало, сколько грузовых машин, сколько легковых, джипов, БТРов. Мы тогда все подсчитывали. За эти три дня они взяли Новогригорьевку в кольцо. У нас оставался один единственный выход — через наших зенитчиков, которые тоже держа-

лись на последнем дыхании. У них оставалось 2 или 3 ящика боеприпасов (на полчаса боя). Мы подожгли несколько танков. На Зените и на Дрозду ребята спалили около 15 танков.

Мы возле Грека и Химика сожгли 2 танка и 2 «бехи». Тогда я зафиксировал в поселке 8 Марта 400 танков. И где-то 60 танков уехало, где-то 200 танков оставалось. Ночью, когда мы решили, что будем уходить, мы увидели в бинокль, что там уже нет этих 200 танков. Сзади нас стояли в поле 6 танков и БТРов, и стояло 8 минометных гнезд. Впереди стояло 7-8 танков с БТРами, а с боку — в Новогригорьевку — уже готовилось заезжать около 10 танков. Где же делись остальные танки, мы этого не могли сказать. Скорее всего, они ушли на правую сторону. Мы с колонной выехали в 4 утра, собрав 260-280 человек. У нас были брошенные машины и БТРы, которые мы отремонтировали. На БТР влазит 8 человек, но нас было и по 18 человек. Сидели друг у друга на руках, плечах. Уже в 4 утра мы подъехали к Зениту. Зенит говорит, что у нас осталось из 8 единиц техники только 2 робочие. Эти две зенитки они прицепили к своим машинам, остальную технику — взорвали. Мы все вместе уходили. У нас выходили тогда 2 танка и единственная «саушка».

Дело в том, что наши отцы-командиры — они уже понимали и отдали приказ: «Ребята, на ваше усмотрение, если уже нечем отбиваться, то уходите, не тратьте жизни свои, они стоят дороже». Они уже все прекрасно понимали. Понимали, что нам нету смысла больше цепляться как-то и держаться. Но мы просто-напросто командованию сказали, что мы продержимся еще 3-4 дня, больше нам не будет с чем держаться. Мы за эти 3-4 дня будем собирать всех, кто к нам будет подходить, координаты мы свои оставляем: двухэтажное здание. Если над зданием висит украинский флаг, значит мы еще здесь. Как только флага нету, то извините, прорывайтесь такими-то полями. Потому что нам от вышестоящего начальства уже пришел дорожный маршрут, по которому мы должны были планоно отхо-

дить. Мы, получается, вокруг него обошли 4 км, круг накиннули. Когда подошли к месту выхода, нас там уже ждала засада. Они знали маршруты, все это знали, где мы будем выходить, примерно в какое время, они ж там уже готовились и ждали. Мы решили обойти, маневрировать с другой стороны, ну и, слава Богу, у нас получилось. У нас практически не было потерь, но раненые были. Когда мы на-рвались на две засады, приходилось отстреливаться, нас там еще и минометами обстреливали вдогонку. Что-то где-то попало. У нас убитых было меньше во много раз, чем в Иловайске. Для нашего комбата бой в Дебальцево был его первым боем. А его заместитель был комбатом в Иловайске, у него еще до сих пор около 70-ти человек в плену.

- *Ті, які в Іловайську в полон потрапили?*

- Да, он их до сих пор не может никак вытащить. Комбат же ж наш в течение 4 дней выкупил всех и обменял, у нас в течение недели были уже все дома.

- *А він кіровоградець?*

- Да, он сам кировоградский, сейчас, вроде, в 3 батальоне, по-крайней мере, жена его работает в 3 батальоне. А он, по-моему, сейчас в Днепропетровске, где-то в новой части уже.

- *Тобто від командира все-таки багато залежить?*

- Да, многое. Было обидно нам с ребятами, что когда была годовщина выхода из Дебальцево, когда нас собирали в Кривом Роге, что заместитель комбата много орденов, медалей, которые нашим ребятам комбат подавал, он практически все «зарубал», практически ничего не дали. Нашим двум ребятам, которые погибли, даже посмертно не дали. Зато своих ребят, с Иловайска, уже там расцеловали. Я, конечно, все понимаю, ребята тоже там воевали, но надо же и о других подумать. Хотя, когда мы первый раз узнали о 40-м батальоне, когда еще не было комбата, а был заместитель комбата, то мы были против, чтобы нас к ним присоединяли. Потому что они прославились мародерством, огнестрелами своими: ребята не хотели слу-

жить, там друг в друга стреляли, такая у них была дурная слава. Но когда пришел комбат, мы просто сели с ними, поговорили, и он говорит, что он будет их комбатом, а *N.* будет замом: «Я буду стараться. У нас не будет ни мародерства, ни огнестрелов». У нас не было такого, что кто-то хотел застрелиться. Я понимаю, что крышу срывает, мозги закипают. Но ведь можно пообщаться, поговорить как-то, решить эту проблему. Да, у нас там было пару человек на пределе. В январе, когда был обстрел, и как бы ни было тяжело, комбат отправлял на недельку домой. Без всяких вопросов отвез на ж.-д. вокзал или на автобус, посадил и отправил. Ребята через неделю приехали, говорят, что все уже нормально, голова отошла. Ну вот не было такого, чтобы развернуться и уйти. Мы все прекрасно понимали: если не мы, то кто? Мы знали, куда мы идем. Мы уже поняли, когда мы приехали туда, — если мы сразу скиснем, сдадимся, то мы уже можем ехать к себе в город, лапки поднять и ждать, пока тебя завоюют и все.

- *Ви казали, що хлопці з вашого батальйону потрапили в полон.*

- Да, с моей роты попало 17 человек в плен, всего с нашего батальона попало около 117 человек в плен. Ребята говорят, что в первый день били и издевались, второй день тоже били и издевались. Там еще зависело, кто и как туда попал, особенно, если они попадали к «казачкам».

- *Розкажіть, хто такі «козачки»?*

- ЛНРовские «казаки» не издевались над нашими. Допросы были, припугивали, но не били и не издевались, кормили 2 раза в сутки. И сигарет давали, и воды, и в туалет выводили. Если не было возможности выйти, то ведра спускали. А вот когда попадали к простым ЛНРовцам, то там уже первых два дня им туго приходилось — били и прикладами, и ногами... Потом, когда начали договариваться, то раз в сутки их кормили уже, но все равно с презрением относились, вроде как с нелюдьми. Но в последний день они уже не били и не издевались так, водили на допросы и обратно в яму садили. Говорили: «Не бойтесь, поедете уже домой, за

вас мы уже договорились — как только наших привезут, мы сразу вас отпустим». И в течение следующего дня нас всех поменяли. То, в принципе, нормально относились.

И мы в плен сколько людей брали. Наши проверяли карманы, чтобы не попасть «на лезвие». В кармане у одного человека мы нашли инсулин. Он был «инсулинником», и нашли пачку димедрола. Мы ж ему говорим, что «тебе нельзя такого», а он говорит, что их заставляли. У другого мы нашли в ампулах трамадол, димедрол. Они говорили, что их заставляют перед этим выпить, а потом зайти и проверить вот это здание, чтобы там не было гражданского населения, не было растяжек. Они даже не знали, что мы уже две недели держим там оборону. Их просто, как котят, посылали на убой. Среди них были мужики, которые всю жизнь проработали в поле, на шахте какой-то, его руки в мозолях. Их просто «кинули». Он говорит: «Ребята, посмотрите, вот я пришел к зданию, но у меня даже автомат не заряжен». Они патроны носили в карманах. Они не знали, как воевать. Первые ряды шли, как мясо. Они шли на убой. За ними уже шла спецура. Мы не издевались над ними. Зачем над ними издеваться?»

- Куди ви їх передавали, коли брали в полон?»

- Мы передавали их нашим. Приезжала специально группа, они их забирали. Куда они их дальше везли — не знаю.

- Як вони потрапляли в полон? Випадково?»

- Ну вот идет обстрел. Они решили наше здание окружить. Выбегают наших проворных 2-3 человека, обходят сзади, начинают брать в плен и разоружать. После первого боя на Ромашке, когда мы отходили, они просто-напросто отошли на задний план. Тут Лис говорит: «Я пойду трофеи пособираю». Смотрим, он идет с автоматами, с боеприпасами и впереди еще один человек. Руки у него назад, морда побитая. Я спросил, зачем Лис его побил. Лис ответил, что не бил его, он лежал и сам об бетон бился и кричал: «На фига я взял в руки

автомат, на фига я сюда пошел, на фига мне это надо?». Лис подошел и спросил: «Мужик, что ты тут делаешь?». Он ответил: «Я не хочу воевать». Он отдал Лису автомат и сказал, чтобы тот делал с ним, что хочет. Так Лис привел пленного. Пленный говорит: «Ребята, оно мне не надо, у меня четверо детей». Он рассказал, что они ехали на работу, их автобус остановили и вручили всем повестки и сказали, что у них есть 2 часа, дали форму. Утром они были уже в Дебальцево. Сзади шли «казачки», это был российский спецназ. Вооружены они были хорошо: бронежилеты 6-го класса, автоматы АКМ-100 с глушителями и хорошей оптикой, хорошая одежда на них. Мы же приехали ни с чем. Когда они зашли на наши позиции, они начали подбирать брошенные нами вещи. Они начали в наших вещах воевать против нас. Мы их передали нашим. Куда они там дальше шли, мы не знаем.

- Як ви вийшли? Ви казали, що зібрали 270 осіб, поступово відходили, але обстріли продовжувалися?»

- Да. Когда последние 3 дня мы в Ново-григорьевке всех ждали, нас обстреливали с танков. Когда мы уже уходили с Ново-григорьевки, от села осталось 5-7 целых хат. Все остальное было разрушено. Уже так обстреляли, что негде было прятаться. Когда мы отошли до Зенита, это где-то метров 700, в бинокль было видно, что туда заехали танки и сравняли полностью село с землей. Они пытались найти наших. В селе тогда оставалось буквально 6 человек. Это 2 старика, которым не было куда идти, одному было лет 80, другому — под 70, и три бабушки, тоже таких годов. Они сбились в одной хате и там жили. Один дедушка жил вместе с нами в подвале. Мы его кормили. Его бросил сын, который занимался фермерством. У него было где-то 10 баранов, кролики, гуси. Сын, когда уезжал, говорит: «Ребята, вот мое хозяйство, берите, что хотите: барана забейте, только не оставляйте им ничего. Я не хочу, чтобы им что-то оставалось. Если на то пошло, привяжите каждой овце по гранате и выпустите

их». Но мы открыли загоны и решили — пусть бегут животные. Все равно где-то травку найдут, как-то спасутся. Когда мы отходили, мы взяли с собой кроликов. Крольчиха родила потомство, и мы взяли двух кроликов. Мы называли их «колобками». Когда мы приехали, то эти «колобки» были у нас в варежках и там спали. Мы приехали в Артемовск, где нас уже встречали. Сначала мы ехали одной колонной, но когда нас начали минами накрывать, мы разделились: одна часть пошла в одну сторону поля, другая — в другую. Мы пытались как-то маневрировать. Потом наша первая колонна добралась до Углегорска. Мы там еще минут 30 стояли, ждали, но наша вторая колонна так и не подошла. Мы ребят предупредили, даже сказали, что будет ехать сепарский танк, который ребята украли, пара БТР, там будут наши ребята. Они будут прорываться. Мы отъехали от Углегорска примерно за 20 км, добрались до села, не помню, как оно называется, там был второй план ребят, которые нас там ждали. Они уже по радиции сообщили. Они не поняли сначала, что за колонна движется, и их обстреливали. Потом они поняли, что это наши отходят. Их командование хотело нас завернуть обратно. Мы сказали, что у нас уже нету чем воевать. Осталось по рожку-два патронов. Танк пустой, в «савушке» осталось выстрелов 5-6 и все — она пустая. Так само и БТР — если со всех их собрать, то только два из них имели бы боекомплект. Это на полчаса боя. Мы ехали «голыми». Они говорят, что там вам все ребята дадут. Но мы сказали, что ваше «там» мы уже знаем. Они тогда сказали: «Ладно, езжайте до Артемовска. Там главнокоман-

дующий что-то решит». Когда мы добрались до Артемовска, нас там уже встречали. Там и телевидение было. У нас машины приезжали на дисках, так как были простреленные колеса. Тянули машины. Две машины приехали без переднего моста. Ребята навалились на задние борта, машина приподнялась, и так доехали. Приезжали машины без одного колеса, без двух колес.

- *На завершення я б хотіла у Вас ще запитати. Ви в Кіровограді народилися, у Кіровограді вирости. Ви себе вважаєте українцем?*

- Да. Мои родители спрашивают меня, за что я иду воевать? Я говорю, что иду за вас воевать, за город, за брата, за сестру, за мать, за отца, за бабушку, за **жінку**, за **дитину**. Я за них иду воевать. Власть мне ничем не помогла, ничего она не сделала.

- *Є відчуття, що це своя земля?*

- Конечно. Я тут вырос, я знаю город, каждую улочку. Нет никакой Новороссии. Когда мы стояли последний раз в Мариуполе, в Павлополе, который тогда захватили новороссы, их флаг тогда провисел буквально одну ночь. На следующее утро мы сняли их флаг, заминировали вышку, повесили наших три флага и выбили их оттуда. Новоросским флагом мы, наверное, целый месяц вытирали берцы. Новороссы выставили свой фильм в «YouTube», что они мол в Павлополе, который захватили. Мы буквально ночью этот ролик посмотрели и решили, что утром этого флага там больше не будет. И до сих пор, ребята говорят, наши три флага там и висят. Остановка **жовто-блакитна** и наши флаги так и висят, хотя в Павлополе стоят сейчас сепары.